

На третий год правления Пуруань, когда страна носила девиз Юньчэн, поздней осенью, в полдень, у входа в главный дворец Золотого Дракона дежурило множество искусно владеющих боевыми искусствами царских стражников. Внутри же дворца все придворные чиновники поголовно опустились на колени, но они вовсе не собирались выкрикивать пожелания долгих лет жизни нашему императору — у них было дело, с которым они явились на допрос!

Стоявший на коленях в самомпереді пожилой сановник уткнулся лбом в землю, но при этом обеими руками высоко держал перед собой приношение и заговорил:

— Докладываю Императору! Ваш слуга осмеливается держать дерзновенную речь: этот Наложница Чи, будучи мужчиной, проник во внутренние покои и удостоился высокого звания наложницы! Это поистине идет вразрез с общепринятыми устоями и моралью, и хотя он родил Императору двоих наследников, подобное наносит урон лицу императорской семьи! Просим Вас, Император, даровать ему смертную приговор, дабы оба принца могли спокойно вырасти!

Увидев, что кто-то вызвался выступить первым, стоявший неподалеку другой чиновник тоже не удержался и произнес:

— Господин Чжу говорит правильно! К тому же, с тех пор как этот Наложница Чи ступил во дворец, Вы, Император, не ступали в покои других жен и наложниц ни на шаг. Императрица — Ваша законная жена, но по сей день не родила никого. Император, как Вы можете игнорировать всех придворных наложниц во внутренних покоях и оказывать свое исключительное расположение одному лишь этому Чи Линсю?!

Сидевший на возвышении в самом верху Дворца Золотого Дракона молодой мужчина в этот момент крутил на пальце перстень-напалечник и рассеянно слушал увещевания находившихся внизу сановников.

— У меня тоже есть важнейшее дело для доклада! Глядишь, вражеские разбойники уже ворвутся в императорскую столицу, Император! Ваш слуга умоляет Вас немедленно отправить войска на подмогу, иначе безопасность этого императорского дворца окажется под угрозой!

Череда увещеваний со стороны министров не только не возымела предупреждающего действия, но лишь заставила Императора Чэн чувствовать глубокую тоску и раздражение в сердце.

Тогда Император Чэн махнул рукой и отмахнулся:

— И внутри, и снаружи императорского дворца выставлена усиленная охрана. Я сам не переживаю, чего же боитесь вы? К тому же, прекратите прения о Наложнице Чи: он — любимец моего сердца, и если впредь кто-нибудь посмеет поднять вопрос о том, что он мужчина, пусть пеняет на себя, я буду безжалостен.

— Это... это... — услышав, что император намерен покарать виновных, министры переглянулись, вмиг совершенно растерявшись и не зная, как поступить. В тронном зале воцарилась абсолютная тишина!

— Ладно, раз других дел нет, на этом аудиенция окончена, — Император Чэн поднялся на ноги и не удержался от зевка. Стоявшие рядом евнухи громко прокричали: — Аудиенция окончена!

— Правитель-смутьян! Правитель-смутьян! — после ухода Императора Чэн явившиеся на аудиенцию чиновники наперебой, с болью в сердце и горьким гневом, принялись бранить его!

Император Чэн, разумеется, не принимал эти проклятия близко к сердцу, ведь стоило ему завершить утреннее заседание, как он тут же направился прямо во Дворец Линсю. Во всей огромной императорской столице лишь это место позволяло ему ощутить легкость и душевный покой.

— Император, Вы пришли... — легкий и невесомый силуэт медленно двинулся навстречу Императору Чэн. На нем был сине-зеленый императорский плащ-хэчан с узорами драконов и фениксов, а черные как смоль, блестящие длинные волосы струились легкой дымкой. Его ясные, чистые прекрасные глаза излучали мягкую улыбку, а во взгляде читалось легкое смущение.

Император Чэн тут же сгреб его в охапку и заключил в объятия:

— Линсю, ты скучал по мне?

Находящееся в его объятиях создание не оказало ни малейшего сопротивления, застенчиво и послушно кивнув. Его вид был невыразимо прекрасен и мил, и он тут же безмятежно и покорно прижался к груди Императора Чэн:

— Император, у Вас снова появились заботы, омрачающие сердце? — эти слова звучали так мягко и сладко, словно перышко легко коснулось глади весеннего пруда, оставляя за собой легкую рябь и растапливая сердце, заледеневшее в тронном зале.

Император Чэн тихо вздохнул, погладил Чи Линсю по лицу и подумал про себя: «Это ведь ради тебя я превратился в правителя-смутьяна», — однако вслух произнес:

— Любимая наложница зря тревожится, при дворе все прекрасно.

Чи Линсю больше ничего не сказал, лишь легко улыбнулся, позволяя Императору Чэн держать себя в объятиях, однако в его чистых, подобных роднику глазах таилась смутная тревога...

После полуденного отдыха мужчина вышел из игры, и прежнее всеобщее расслабление в тот же миг сменилось прежним напряжением. Он надел висевшие рядом золотистые очки и заново завязал ослабший галстук. Красивое лицо в сочетании с этой педантичной строгостью смотрелось на удивление гармонично.

В дверь кабинета постучали, и вошедший внутрь солидный мужчина средних лет с папкой документов приблизился к его рабочему столу. Протянув то, что держал в руке, он почтительно произнес:

— Генеральный директор Е, это проект плана, который Вы просили меня исправить.

Е Юньчэн внимательно перелистывал документы, и бумажные страницы издавали шуршащий звук, из-за чего стоявшему рядом мужчине среднего лет было немного тревожно и не по себе.

— Все еще не годится, забирай и переделывай, — голос Е Юньчэна звучал холодно, а выражение лица было еще более ледяным. — Подготовь все завтра к утреннему совещанию до десяти часов.

Мужчина средних лет замер, словно перед лицом смертельной опасности, и на его лбу выступил холодный пот:

— Генеральный директор Е... э-э... этот план уже... переделывали больше десятка раз...

— И что с того? — ледяной взгляд Е Юньчэна переместился с бумаг на лицо мужчины.

— Генеральный директор Е... — торопливо попытался объяснить мужчина средних лет, но в его голове было абсолютно пусто, и он совершенно не знал, что сказать.

— Старый Ван, касательно этого плана я же говорил тебе раньше: в нем нет даже элементарной схемы модели, о каком предотвращении рисков может идти речь? — Е Юньчэн захлопнул папку с документами и швырнул ее на пол. — Компания нанимает тебя на высокую зарплату вовсе не для того, чтобы ты занимался самостоятельностью.

Старый Ван дрожащим движением согнулся в пояснице и поднял с пола папку:

— Понял, генеральный директор Е, я сейчас же все подготовлю.

Выйдя из кабинета, он достал салфетку, чтобы утереть пот с лица, тут же тяжело вздохнул и оглянулся на остальных сотрудников — те смотрели на него сплошными тревожными взглядами.

— Старый Ван, опять не подошло? — спросил один из коллег.

Старый Ван кивнул:

— Переделывать всё, остаемся сверхурочно.

— Сколько дней уже прошло... Это всего лишь один проект плана!! Я скоро сойду с ума, а-а-а-а-а!! — не выдержав, начали жаловаться несколько горячих молодых парней неподалеку.

— Да это вы сами просто ни на что не годны, разве нет? Генеральный директор Е еще на прошлом совещании подробно объяснил, как именно нужно все исправить, но Старый Ван

снова посчитал это хлопотным и не захотел ничего серьезно менять, так кого теперь обвинять в несправедливости? — в свою очередь, несколько молодых сотрудниц не смогли удержаться и принялись пылко защищать генерального директора.

— Вот именно! Если бы Старый Ван не умничал понапрасну, разве пришлось бы нам всем сидеть с ним на сверхурочных?!

После этих слов Старый Ван почувствовал себя еще более пристыженным и, словно пытаясь скрыться в щель от стыда, покинул место происшествия.

<http://bllate.org/book/21922/2277580>